

Дискуссия о роли сказки в воспитании детей

Е. КНЯЗЕВ,
доктор
педагогических наук,
профессор,
Российский институт
театрального
искусства (ГИТИС)
evknyazev@gmail.com

В течение многих веков до появления кино, радио и телевидения (которые за последний век стали важнейшими факторами социального воспитания) основное воспитательное воздействие на маленьких детей оказывали сказки. Так было и в России, но сто лет назад, после Октябрьской революции 1917 г., новые власти посчитали, что формировать поколения строителей социализма должны отнюдь не традиционные персонажи минувшего.

Аннотация. Особое внимание в статье уделяется дискуссии о роли сказок в воспитании детей, начавшейся в Советской России в 1920-е годы. Революционные власти и большинство представителей Наркомпроса отрицали положительное значение традиционной сказки в советском дошкольном воспитании.

Ключевые слова. Дискуссии о роли сказки в воспитании детей, общественное дошкольное воспитание, детский сад, антропоморфизм, аполитичность, Народный комиссариат просвещения, развитие фантазии у детей.

Общественное воспитание дошкольников

Верные ленинцы активно взялись за педагогику. Согласно «Декларации по дошкольному воспитанию» от 20 декабря 1917 г., бесплат-

ное и доступное общественное воспитание должно было начинаться с первых месяцев жизни ребенка. Декрет СНК от 30 мая 1918 г. передавал учебные и воспитательные учреждения в ведение Наркомпроса. В Программе РКП(б) (1919) была поставлена задача воспитать поколение, способное окончательно установить коммунизм, при этом особая роль уделялась детской литературе. Создание системы общественного дошкольного воспитания сопровождалось подготовкой нового поколения воспитателей.

Проблема организации дошкольного дела в общегосударственном масштабе была поставлена на I Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию (1919): важно было выбрать единственно верное направление развития системы. В докладе о новых задачах заведующая дошкольным отделом Наркомпроса Д.А. Лазуркина заявила, что из дет-

WWW
dovosp.ru
«Дошкольное
воспитание»

ского сада ребенок должен приносить домой новую идеологию, новые навыки, праздники, песни, игры, как посланник того грядущего мира, строителем которого он будет.

На II Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию (1921) обсуждались проблемы становления общественного дошкольного воспитания на «марксистской» основе с целью раннего формирования «будущих строителей и борцов коммунистического общества». В разработанных инструкциях, регламентирующих деятельность детских садов, дошкольный отдел Наркомпроса призывал отказаться от старой буржуазной и утвердить новую пролетарскую идеологию в воспитательном процессе. После негативной оценки дореволюционного этапа истории воспитания, данной на III Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию (1924), был провозглашен классовый подход в педагогике. Проводился пересмотр целей, ценностей, содержания, форм, методов и способов воспитательно-учебной деятельности дошкольных организаций. Как классово чуждые, отвергнуты педагогика Фрёбеля, система Монтессори и др. Однако программы, разработанные Наркомпросом, страдали избыточностью информации, что делало их недоступными для детей [4].

Когда следует начинать воспитание

Нарком просвещения А.В. Луначарский подчеркивал, что воспитательная работа обязательно должна начинаться в дошкольном возрасте и для этой цели следует подготовить особого воспитателя. Становление и развитие нового человека предполагают новые рефлексы и склонности, поэтому крайне нерационально начинать воспитательную работу с восьмилетних детей. Луначарский заявлял, что в дошкольном возрасте можно человека лепить, гнуть, в подростковом возрасте – только ломать, а дальше уже «горбатого могила исправит». «Если мы упустим этот дошкольный возраст, то дальше человек уже застывает, костенеет. Самое главное, самое основное воспитание, которое оставляет след на всю жизнь, – это воспитание дошкольное» [7].

Социалистическое воспитание призвано «методически правильно и классово продуманно» целенаправленно воздействовать на детей, чтобы выработать из них коллективно мыслящих и действующих существ, чтобы заложить прочную базу реакций эмоционального и волевого характера на различные воздействия жизни. «Можно прямо сказать, что гигантское дело быстрого перевоспитания новых поколений, массового появления людей нового склада ни в каком случае не будет достигнуто через школы, если мы не пересмотрим нашего отношения к дошкольным воспитательным учреждениям и не сделаем здесь огромного усилия к расширению и углублению работы» [там же]. При этом Луначарский отмечал мизерный рост дошкольного сектора системы образования, что никак не соответствовало важности задачи.

В условиях резкого усиления идеологической борьбы науку использовали для создания теоретических основ нововведений. Так, доктор А.Б. Залкинд предложил нацелить систему образования на формирование «массового человека», и процесс следует начинать с дошкольного возраста, когда можно эффективно регулировать поведение, физиологические проявления детей, создавать главные установки развития, определяющие все основные перспективы дальнейшего бытия.

В 1928 г. Н.К. Крупская писала, что, по данным ЦСУ, «лишь 9 детей соответствующего возраста на тысячу посещали дошкольные образовательные организации. Если дело пойдет и дальше таким сногшибательным темпом, то мы будем обслуживать всех детишек дошкольными учреждениями лишь через 990 лет!» [5]. IV Всероссийский съезд сформулировал задачу широкого «дошкольного похода»: движения за общественное дошкольное воспитание, после чего за три месяца сеть дошкольных учреждений была удвоена.

Запреты в воспитании

При Наркомпросе РСФСР в 1919 г. была создана комиссия по детскому чтению, а в 1920 г. – первый в мире Институт детского чте-

ния, организованный А.У. Зеленко, А.К. Покровской, Н.В. Чеховым и другими членами бывшего просветительского Грибоедовского кружка. Педагогическим начинаниям по организации детского чтения сопутствовала начавшаяся кампания борьбы «с пережитками феодального и буржуазного сознания».

Понимая влияние литературы на формирование взглядов подрастающего поколения, Н.К. Крупская отмечала, что старые книжки содержат буржуазную идеологию, которая оказывает негативное влияние на читателя. С целью запрета «идеологически чуждых произведений» был издан Декрет о революционном трибунале печати (1918), который провозглашал: «К преступлениям и проступкам путем использования печати относятся всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью» [4]. Вскоре трактовка формулировки о «ложных или извращенных сведениях о явлениях общественной жизни» стала использоваться весьма широко и отчасти неожиданно в вопросах дошкольного воспитания. Власти взялись за дело с революционной нетерпимостью. Так, «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» (1920) приказывала выбросить из библиотек как устаревшие и ненужные для пролетарского читателя лучшие книги русской и мировой литературы. Особой темой нападок стало народное творчество. Утверждалось, будто адресованная «примитивному славянину» сказка – «символ грубых языческих суеверий, культура физической силы, хищности и пассивного устремления от живой жизни с ее насущными требованиями в область мечтаний» [10].

В 1924 г. председатель Главполитпросвета при Наркомпросе Н.К. Крупская составила список из 97 запрещенных авторов и книг: Платона, Р. Декарта, И. Канта, А. Шопенгауэра, М. Метерлинка, Ф. Ницше, Л. Толстого, Евангелие, Талмуд, Коран и др. Из детских биб-

лиотек изъяли народные сказки и «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова. Рьяные борцы за пролетарскую педагогику запретили сказку П.П. Ершова «Конек-Горбунок»: «По части воспитательной для детей в ней все от реакционного и непедagogического – здесь все по царю мерится и по боярам. Восхваляется “Царь-надежда”, которого, конечно, народ встречает восторженным “ура”. На с. 42 – даже порнография – царь, “старый хрен”, жениться хочет: “Вишь, что старый хрен затеял: хочет жать там, где не сеял! Полно, лаком больно стал!”. На основании вышеизложенного считаю “Конек-Горбунок” к выходу в свет нежелательным, если не недопустимым» (1922) [1]. Радикальные идеологи запретили издавать «Куручку Рябу», однако развернулась дискуссия, по итогам которой сказку все-таки разрешили напечатать в числе книг для чтения, предназначенных для первых классов сельских школ. Однако «сверху» последовало указание: «Дело педагогов – объяснить детям, что золотых яиц куры не несут, и деревенские дети сами это прекрасно знают» [1].

Наступление велось по всем фронтам, и одновременно с борьбой со сказками в 1922 г. власти развернули кампанию по замене Рождества Христова на «коммунистические святки» – чтобы дети начали праздновать революционные праздники. В 1925 г. началось искоренение религиозных традиций, и к 1929 г. окончательно отменили празднование Рождества, при этом попала под запрет новогодняя елка, идеологически неподходящая насущным задачам пролетарского воспитания. В дошкольных организациях и в домашних условиях наряжать на Новый год елочку признавалось «идеологически чуждым» контрреволюционным актом, ибо Новый год следует отмечать 7 ноября – в годовщину революции. С введением в 1929 г. революционного календаря с пятнадцатидневной неделей воскресенье сделались рабочими днями и уничтожился семидневный недельный цикл, признанный церковным, а на самом деле восходивший к древней шумерской цивилизации. Однако столь радикальные новшества настолько противоречили сложившимся обы-

чаем, что пришлось восстановить традиционный календарь.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»

Власти перешли к полному отрицанию роли сказок и всей «буржуазной» детской литературы в воспитании. Резолюция III Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию (1924) из детского чтения изгоняла сказку как тормоз в развитии материалистического мышления. Началась масштабная кампания по запрету сказок в дошкольном воспитании, в ходе которой радикалы утверждали, будто говорящие вещи и животные способны заманить детей Страны Советов в мир мелкобуржуазного вымысла и отвлечь от реального строительства социализма. Сторонники традиционного использования сказки якобы выступали против советской педагогики. Сама проблема сказки в дошкольном воспитании обрела стойкое негативное толкование. В 1928 г. на страницах журнала «Книга – детям» руководители Комитета по детской книге Наркомпроса предложили дискуссию на тему «Нужна ли сказка пролетарскому ребенку?». Наиболее радикальные участники утверждали: сказка «не вызывает в детях чувства социальной солидарности, чувства коллективизма», воспитывает в ребенке «вместо чувства интернационального – чувство национальное» [11].

В постановлениях ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» (1928) и «Об издательстве «Молодая гвардия» (1931) рекомендовалось писать для детей в жанре очерков; сказки и фантастические произведения отвергались как «безыдейные». Популярные детские сказки К.И. Чуковского «Айболит» и «Бармалей» оказались под запретом цензуры как неприемлемые с педагогической точки зрения. В своих книгах Чуковский воспитывал в детях человечность – способность сопереживать и сочувствовать чужому несчастью, радоваться за других. Заявив о недопустимости ант-

ропоморфизма как художественного приема в детской литературе, видный представитель Наркомпроса Н.К. Крупская в «Правде» обрушила огонь критики на «Крокодила» Чуковского. Писателю вменялось в вину изображение мещанской домашней обстановки крокодильего семейства, «причем смех по поводу того, что крокодил от страха проглотил салфетку и др., заслоняет собой изображаемую пошлость, приучает эту пошлость не замечать». В заключение обвинитель выносила весьма суровый приговор автору: «Такая болтовня – неуважение к ребенку. Сначала его манят пряником – веселыми невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет бесследно для него. Я думаю, “Крокодила” ребятам нашим давать не надо...» [6].

На страницах печати развернулась дискуссия, переросшая в гонения на автора «Мухи-цокотухи» – будто бы он подрывал детский коллективизм и подпевал кулацким элементам. Тридцать писателей опубликовали отповедь Чуковскому, якобы выражавшему нелюбовь к рабочему классу в стихе «нечистым трубочистам стыд и срам». Не помогло заступничество А.М. Горького, призывавшего говорить с ребенком «забавно»: разговаривать с детьми суконным языком проповеди – значит вызвать в них скуку и внутреннее отталкивание от самой темы проповеди [2]. В печати появился термин «чуковщина», означавший антропоморфизм, аполитичность и уход авторов детской литературы от вопросов сегодняшнего дня. По всем законам средневековых аутодафе Чуковского принудили к «покаянию». Он публично отрекся в «Литературной газете» от «чуждой идеологии» и в течение полутора десятков лет сказок не публиковал.

Одновременно в «Литературной газете» началась травля С.Я. Маршака и его учеников – детских писателей, творчество которых якобы не способно пробудить в ребенке социальные чувства и коллективные устремления. В ответ Маршак писал: «Если послушать педагога-педанта, нельзя печатать ни одной народной сказки. В каждой он заметит един-

ственную черту – и всегда порочную. То сказка для него слишком жестокая, то слишком добродушная, то слишком печальная, то слишком веселая. В одной сказке он усмотрит презрение к немецкому крестьянину Гансу, который выведен дураком, а другая сказка покажется ему безнравственной, потому что Ганс оказался в ней слишком умным и обманул помещика-дурака». Защищая народное литературное наследие от нападков радикалов, С.Я. Маршак объяснял: «Сказки бояться нечего, сказка – большое богатство. Надо только выбирать ее с умом и тактом, учитывая возраст читателей, городских и деревенских. А прежде всего надо снять с народной сказки налет сусальности, который появился тогда, когда ее приравнивали к буржуазной детской. Надо разгримировать братьев Гримм» [9].

Стремясь уравновесить дискуссию, на заседании коллегии Наркомпроса в 1928 г. А.В. Луначарский заметил, что стремление изгнать из детского мира сказку напоминает лозунг Пролеткульта: «Долой старую культуру!». Нарком выразил свое авторитетное и взвешенное мнение относительно допущения или недопущения антропоморфизма в детской литературе: «ребенку нужно играть». Луначарский призывал развивать фантазию детей, оставить в покое великолепный мир фантастики, который при правильном использовании будет способствовать более совершенному развитию, а не калечить. «Ребенок должен пережить мир игры и фантастики, его воображение должно быть свободным, ибо преждевременное “онаучивание” и “овзросление” неприемлемы ни с педагогической, ни с психологической точек зрения. Против этого нужно бороться» [8].

В 1929 г. А.В. Луначарский выступил в защиту сказки на собрании детских писателей и педагогов в Доме печати: «Сейчас, поскольку мы будем создавать литературу для маленьких детей, для детей младшего возраста, не должны ни в коем случае пугаться того, что мы будем говорить на таком языке, как если бы мы не побеждали природу, что мы здесь будем говорить на таком языке, в ко-

тором эти звуки анимизма, всякие элементы антропоморфизма, говорящие животные и вещи будут появляться». Бывший нарком высмеивал суровых педантов реализма, которые считали обманом, «если рукомыльник говорит с ребенком, и он останется на веки вечные под этим влиянием и, когда он будет инженером, будет думать, что машина может, разинув одно из своих отверстий, его вырывать. Никакие анимистические фантазии навеки не останутся у ребенка потому, что он читал такую вещь, но это не доказательство, что мы можем брать сказку за основу детского чтения, сказку народную, которая составляла обыкновенно в качестве нянюшкиной сказки, рассказанной или прочитанной, или бабушкиной сказки, там, где никакой няньки не было, главное воспитательное средство не только ребенка городского, но и ребенка деревенского. Редко кто на всем протяжении земного шара вырастает без сказки» [8].

По инициативе А.М. Горького создается издательство детской литературы – Детгиз (1933), там начинают издавать сказки для детей. «В общем, нам необходимо строить всю литературу для детей на принципе совершенно новом и открывающем широчайшие перспективы для образного научно-художественного мышления, мы должны помнить, что уже нет фантастических сказок, не оправданных трудом и наукой, и что детям должны быть даны сказки, основанные на фактах и гипотезах современной научной мысли. Дети должны учиться не только считать, измерять, но и воображать и предвидеть» [3]. В докладе на Первом съезде советских писателей в 1934 г. Горький призвал: «Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его... Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

В середине 1930-х кампания по борьбе с миром фантазии постепенно завершилась, «сверху» поступили распоряжения снять суровые запреты, детям разрешили читать и смотреть спектакли и экранизации, созданные по традиционным сказочным сюжетам: «Три толстяка» Юрия Олеши (1928), «Золотой клю-

чик, или Приключения Буратино» Алексея Толстого (1936), пьесы-сказки Евгения Шварца «Голый король» (1934), «Красная шапочка» (1936), «Снежная королева» (1939), «Кукольный город» (1939), «Тень» (1940), «Сказка о потерянном времени» (1940), «Дракон» (1944) и Тамары Габбе «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах» (1943).

Член ЦК ВКП(б) П.П. Постышев в «Правде» от 28 декабря 1935 г. опубликовал статью о праздновании вместо Рождества Нового года, который ранее признали «поповщиной»: «Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как “левые” загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею». Ставшая важным атрибутом новогоднего праздника елка вернулась в СССР в канун 1937 г.

Источники

1. Блюм А.В. От неолита до Главлита. СПб: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009.

2. Горький М. О безответственных людях и о детской книге наших дней // Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 25.

3. Горький М. О темах // Собр. соч.: В 30 т. М., ГИХЛ, 1953. Т. 27.

4. Князев Е.А. История отечественного образования и педагогики: Учеб. пособие для академического бакалавриата. М., 2017.

5. Крупская Н.К. Вопросы, стоящие перед IV съездом дошкольного воспитания // Пед. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АПН, 1959. Т. 6.

6. Крупская Н.К. О «Крокодиле» К. Чуковского // Книга детям. 1928. № 2.

7. Луначарский А.В. К IV Всероссийскому съезду по дошкольному воспитанию // На путях к новой школе. 1928. № 10–11.

8. Луначарский А.В. О детской литературе, детском и юношеском чтении. М.: Детская литература, 1985.

9. Маршак С.Я. Воспитание словом (статьи, заметки, воспоминания) // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1971. Т. 7.

10. Полтавский С. Новому ребенку – новая сказка: Этюд для родителей и воспитателей. Саратов, 1919.

11. Яновская Э. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку? Харьков, 1925.

Discussion on the role of fairy tales in the upbringing of children

E. KNYAZEV

Annotation. Particular attention is paid in the article to the discussion about the role of fairy tales in the upbringing of children that began in Soviet Russia in the 1920's. The revolutionary authorities and the majority of representatives of the People's Commissariat for Education denied the positive value of the traditional fairy tale in the process of raising children in Soviet preschool education.

Keywords. Discussions on the role of fairy tales in the upbringing of children, public preschool education, kindergarten, anthropomorphism, apoliticality, the People's Commissariat of Education, the development of fantasy in children.

